

А. А. МОСОЛОВ

При дворе последнего императора
<Фрагменты>

<...>

Несколько слов насчет родителей Николая II

Александр III, сын Александра II и императрицы Марии Александровны, принцессы Гессен-Дармштадтской, получил воспитание домашнее, как это тогда водилось. От отца и деда он приял чувство громадного могущества русских императоров, которое вызывало, как логическое последствие, необходимость всячески поддерживать престиж царской власти. В этом отношении традиция, восходившая к целому ряду весьма властных государей, оставалась неприосновенною и грандиозною. Будущему императору не переставали повторять, что русские цари поставлены самим Богом, что русские цари, как защитники и носители национального духа страны, должны являться для народа последним оплотом отеческой доброты и бесконечной справедливости.

От матери Александр III получил заветы семейного, строгого уклада жизни. Само собою разумеется, что ему были внушены все тонкости светского воспитания; он знал, что царь должен быть неизбывным рабом этикета и церемониальной части.

Личные симпатии Александра III сближали его не с отцом, Александром II, а с дедом, Николаем I. С ранних лет Александр III считал, что быстрая эволюция политических учреждений может быть опасною для страны. Он полагал, что поспешное проведение политических реформ может вызвать взрыв того бессознательно-анархического духа, который искони свойствен был русскому народу и всем славянским племенам вообще. Он боялся, что проведение политических реформ вызовет кровавые беспорядки.

Мы все знаем, с каким чувством князь Трубецкой изобразил эти особенности душевного склада Александра III в том монументе, кото-

рый и по сие время украшает Знаменскую площадь. Железной рукою массивный и колоссальный Александр III затягивает поводья своей лошади, не менее тяжелой и внушительной, чем сам царь. Сколько раз я проходил мимо замечательного произведения искусства, повторяя каждый раз:

— Надо отпустить поводья: если слишком затягивать удила, лошадь сначала бессмысленно потопчется на месте, а потом потеряет голову, встанет на дыбы и опрокинется.

Второю особенностью Александра III было его несомненное пристрастие ко всему тому, что является типично русским. Император Вильгельм I Германский и некоторые мелкие немецкие князья пользовались при дворе Александра II слишком большим и совершенно незаслуженным влиянием. Реакция в душе Александра III оказалась чрезвычайно энергичною: он буквально ненавидел все немецкое. Он стремился быть русским и проводить это во всем, что касалось его личной жизни; отчасти вследствие этого манеры его оказались менее аристократичны, чем манеры его братьев. Он, может быть, этого сам не сознавал, но во всем том, что делал, ясно виднелась мысль: чтобы быть русским, не надо быть чересчур лощеным. Он, конечно, склонялся перед придворным этикетом, но ненадолго; достаточно было ему оказаться в тесном кругу семьи или любимых приближенных, чтобы все искусственные формулы церемониальной части летели на ветер; и неоднократно он говорил, что подобного рода пустяками могут заниматься только умирающие немецкие династии, коим нечем более оправдать свое существование.

Мать Николая Александровича, принцесса Датская, воспитана была при одном из самых патриархальных дворов Европы; от нее Николай II унаследовал бесконечное уважение к принципу семьи; она же дала ему тот личный «шарм», которого у нее самой было так много. Все дети принцессы Дагмары Датской были менее высоки ростом, чем предшествующие поколения Романовых. Поколение Николая II не имело той величественной осанки, которою славилось поколение Александра II. Может быть, поэтому граф Фредерикс, министр двора, всегда настаивал, чтобы Николай II показывался толпе преимущественно на лошади. Несмотря на свой небольшой рост, Николай Александрович был замечательным кавалеристом и верхом производил, действительно, более величественное впечатление, нежели пешком. Однажды Николай II смеясь сказал при мне:

— Граф Фредерикс сам любит гарцевать на лошади: наверное, он руководится эгоистическими соображениями, когда зачастую меня уговаривает показываться верхом даже там, где можно бы ехать в коляске.

Воспитание

Два лица, близких мне, хотя много меня старших, рассказывали мне подробно о воспитании детей Александра III. Я имею в виду покойного генерал-адъютанта Васильковского и мистера Хиса, впоследствии учителя английского языка наследника цесаревича. По словам этих лиц, дети Александра III росли почти без надзора. Манеры их не отличались тем изяществом, которое обращает на себя внимание у детей, за которыми постоянно следили. Даже в присутствии своих родителей дети перебрасывались за столом шариками хлеба, если знали, что им удастся остаться непойманными. В физическом отношении дети были крепкого, здорового сложения; один только Георгий Александрович, второй сын, страдал туберкулезом и умер в раннем возрасте.

Детей учили особенно усиленно иностранным языкам; учителя старались главным образом добиться правильного и чистого произношения. Надо сказать, что все дети обладали очень хорошей памятью, в особенности на лица и имена. Отчасти вследствие этого Николай II приобрел очень большие исторические познания.

Когда я ближе узнал государя, его нельзя было не считать очень культурным и образованным человеком. Что же касается его братьев и сестер, то на их образование обращали мало внимания.

Воспитателем будущего императора был генерал-адъютант Данилович. Мой приятель Васильковский никогда иначе не обозначал его, как словом «иезуит». Говорят, что Данилович, когда еще был директором корпуса, имел то же самое почтенное прозвище. Даниловичу император Николай II обязан всем своим моральным обликом: та необычайная сдержанность, которая была основным отличительным признаком характера Николая II, несомненно имеет своим источником влияние Даниловича. Надо сказать, что Александр III был суров даже по отношению к своим детям: решительно ни в чем не сносил ни малейшего противоречия. Потому не только дети, но и сама императрица часто оказывались в таком положении, что надо было от отца скрывать то, что произошло, что было содеяно. Именно вследствие этого в семье Александра III образовался дух скрытности. Все это оставалось живым и после смерти отца. Сколько раз мне приходилось слышать, как Николай II отзывался в самых резких выражениях про тех лиц, которые не сумели сдержать данного ими обещания и разболтали какой-нибудь секрет.

<...>

Разъединение императорской фамилии

Первый удар по солидарности царской семьи был нанесен вторым супружеством императора Александра II. Брак с княжною Долгорукою, впоследствии княгинею Юрьевскою, был вторым морганатическим союзом в семье. Первым явились свадьба великого князя Константина Павловича, косвенно повлекшая за собою восстание декабристов, первое русское освободительное движение.

Супружество государя Александра Николаевича вызвало единодушное осуждение всей царской семьи, лишь выигравшее в силе оттого, что его не осмеливались открыто проявлять при императоре. Две сцены особенно отчетливо врезались мне в память.

В Петергоф прибыли с визитом к Александру II германские владетельные принцы. Это было весною 1877 года. Время было тревожное. Ожидалась со дня на день война с Турцией. Государь пожелал, чтобы наследник устроил в честь гостей бал. Цесаревич, по-видимому, считал, что время для балов было неподходящее; но подчинился желанию своего августейшего родителя.

На бал была приглашена, вероятно по желанию царя, княжна Долгорукая. Помню, как сейчас, величественно-красивую фигуру Александра II, стоящего под колоннадою, ведущей в гостиную, и впереди него, в нескольких шагах, княжну.

После ужина танцы продолжались, и был объявлен котильон. В это время государь уехал, провожаемый до экипажа наследником. Вернувшись в зал, цесаревич прямо между танцующими парами прошел к эстраде, на которой играл оркестр лейб-гвардии Преображенского полка. Несмотря на то, что среди танцующих была и цесаревна Мария Федоровна, он громким голосом крикнул:

— Спасибо, преображенцы! Домой!

Танцы резко оборвались. Наследник удалился с цесаревною во внутренние покои; смущенные гости поспешно разъехались.

Этот инцидент был первым мне известным, как очевидцу, проявлением разлада, намечавшегося в это время между Зимним и Аничковым дворцами¹. Причин было несколько, но главной являлось увлечение Александра II княжною Долгорукою. Эта, ставшая общеизвестной, связь, а особенно последовавший затем брак царя, оскорбляли наследника. Он считал их несовместимыми с достоинством русского императора. Свое отношение к браку отца Александр III проявил и тем, что по вступлении на престол немедленно сменил министра двора и все ближайшее окружение почившего императора.

Второй инцидент произошел после кончины Александра II.

В феврале 1881 года я приехал в Петербург в отпуск из Софии, где состоял флигель-адъютантом и командовал конвоем князя Болгарского². Накануне 1 марта я сговорился с моим товарищем по полку,

флигель-адъютантом, но отбывающим свой ценз за командира полка³ в Белостоке, С. И. Бибиковым вместе позавтракать в ресторане Дюссо. Последний помещался на углу Большой Морской и Кирпичного переулка, где был затем меховой магазин Лелянова. До 1876 года, когда было устроено офицерское собрание полка в казармах, офицеры конной гвардии там постоянно завтракали, обедали и ужинали в одном из больших кабинетов. Напротив был ресторан Бореля, где преимущественно бывали кавалергарды; затем его хозяином стал Кюба, всем петербуржцам известный.

В конце нашего завтрака вбежал к нам взволнованный хозяин, француз Танти. Он только что разговаривал с лицом, видевшим раненого государя, которого везли в Зимний дворец.

Мы выскочили и побежали к дворцу. На площади уже собирался народ. В подъезде его величества знакомый нам швейцар подтвердил, что только что привезли раненого государя. Бибиков как флигель-адъютант, имеющий всегда доступ к императору, решил подняться наверх и уговорил меня идти с ним. Мы вошли в фельдмаршальскую галерею. Там у дверей в кабинет государя несколько человек свиты, в том числе генерал-адъютант Салтыков, и прислуга растерянно бегали взад и вперед. Бибиков спросил Салтыкова, можно ли войти, и затем вошел в кабинет. Я не решился последовать за ним, но видел, как он приблизился к группе лиц, стоявших, очевидно, вокруг места, где лежал умирающий государь. Среди них я узнал графа Адлерберга, который заслонял мне лицо царя. Когда Бибиков вышел, мы вместе отправились из дворца. На углу Невского и Морской мы остановились, чтобы решить, куда идти дальше. В это время с Невского показались парные сани, в которых сидел в генеральском пальто наследник цесаревич Александр Александрович с цесаревной Марией Федоровной. Они ехали медленно, так как Невский был запружен народом.

Мы успели повернуться и приложить руку к козырьку. Будущий император отдал нам честь, его супруга поклонилась. Сани повернули к арке Главного штаба и медленно, среди толпы приближались к Зимнему дворцу. Мы с Бибиковым вернулись туда. На площади пришлось уже проталкиваться. Народ стоял безмолвствуя. Лишь время от времени слышались негромкие проклятия убийцам, «скубентам». Какая-то баба, сторонясь, крикнула нам вслед:

— Эх вы, военные! Не сумели сберечь царя.

Мы вошли во двор. Он тоже был полон людей всякого звания. На входящих и выходящих из дворца, видимо, никто не обращал внимания. Мы все еще надеялись на спасение жизни государя, хотя Бибиков и говорил мне, что, судя по виду раненого государя, надежды нет. Едва мы вышли из ворот, чтобы снова подняться наверх, как вся

толпа и мы с нею опустились на колени... Штандарт на дворце был приспущен в знак траура.

Я послал телеграмму князю Александру Болгарскому и получил ответ ждать его в Петербурге, куда он в тот же вечер выезжает. Его величество был близким родственником императорской фамилии как сын принца Александра Гессенского, родного брата покойной государыни Марии Александровны.

На другой день я узнал, что для князя приготовили помещение в Зимнем дворце, со стороны набережной, то самое, где год тому назад он жил. Тогда же из-за опоздания поезда, в котором ехал его высочество, отложили обед в его честь, и это спасло государя от взрыва в Зимнем дворце. Народовольцы надеялись заложенной там бомбой уничтожить большую часть членов императорской фамилии.

3 марта в сопровождении одного лишь адъютанта прибыл князь Болгарский. Он участвовал в торжественной перевозке тела Александра II в Петропавловскую крепость. Чтобы присутствовать в соборе, князь спустился из своих апартаментов к салтыковскому подъезду. Тут у широкой лестницы в ожидании появления их величеств собрались с правой стороны все великие князья и княгини, с левой — небольшая траурная группа: княгиня Юрьевская с тремя малютками детьми.

Она была в черном, с опущенной вуалью, дети — две девочки и мальчик — тоже в траурном платье. Распахнулись двери, вошли их величества и направились здороваться к высочайшим особам. Государь затем обернулся, в тот самый момент, когда княгиня Юрьевская приподняла свою вуаль.

Царь уверенными мерными шагами подошел к ней. Императрица сделала несколько шагов за государем и остановилась. Его Величество, обменявшись несколькими словами с княгинею, обернулся, видимо, думая, что Мария Федоровна стоит за ним. Императрица опять двинулась вперед и опять остановилась. Тогда княгиня Юрьевская быстрыми уверенными шагами подошла к ней. Мгновение они стояли друг против друга. Затем ее величество быстро обняла княгиню и обе заплакали. Юрьевская кивнула детям. Те подошли и поцеловали руку императрицы. Государь тем временем был уже в дверях. Царица, видя это, быстро пошла за ним. Начался отъезд высочайших особ.

Когда князь Александр выходил со мною, траурная группа Юрьевской с детьми стояла как окаменелая в углу громадного почти опустевшего вестибюля. Для них была заказана отдельная панихида.

Хотя с тех пор прошло более 50 лет, но картина, длившаяся всего несколько минут, запечатлелась на всю жизнь в моей памяти. Она произвела такое же впечатление на князя, особенно то мгновение,

когда императрица и Юрьевская стояли друг против друга, миг нерешительности Марии Федоровны, подать ли руку княгине или обнять ее. Если бы она подала ей руку, княгиня, жена ее свекра, Александра II, должна была по этикету поцеловать ее.

Высочайшие особы, но не великие князья

Второй удар по целостности царской семьи относится к царствованию Александра III. Видя разрастание императорской фамилии и боясь за престиж великокняжеского сана, его величество принял меру, которую он считал необходимую, но которая не всеми членами семьи была одинаково оценена.

«Учреждение об императорской фамилии» было изменено в том смысле, что отныне участвовали в уделах одни дети и внуки императора. Первые два поколения потомков государя носили титул великих князей и получали ежегодно сумму в 280000 рублей от уделов. Правнуки, с титулом князей крови, получали при совершеннолетии имущество стоимостью в один миллион рублей, движимое и недвижимое, по выбору. Оно переходило по первородству, и обладатель его имел звание высочества. Остальные потомки были лишь светлостями и имуществом не обеспечивались вовсе.

Эта мера закрепила деление высочайших особ на две категории. Против нее в царствование Александра III и при министре двора графе Воронцове трудно было ожидать открытого протеста. Со сменою государя императорская фамилия надеялась получить и большую свободу действий. Новый царь был молод, и старшие родственники рассчитывали влиять на него.

Когда эти чаяния не оправдались, молва возложила вину на императрицу. Выросши в англо-германской среде, где вся энергия, не находившая внешнего проявления из-за конституционных преград, обращалась на вящее наблюдение за родственниками, ее величество была стороницею строжайшей дисциплины.

<...>

